

Лавренова О.А.

БЫТИЕ МЕЖДУ.

СЕМАНТИКА ДОРОГ В КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ[®]

*Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Россия, olgalavr@mail.ru*

Аннотация. Семантика слов «дорога» и «путь» очень вариативна и во многом универсальна для большинства культур. Опираясь на семиотическую концепцию культурного ландшафта, мы попытаемся понять ее взаимодействие с реальным геокультурным пространством, в котором, с одной стороны, природные компоненты влияют на семиозис, а с другой – уже сложившиеся коды культуры определяют значение и восприятие дорог.

Ключевые слова: семантика; дороги; культурный ландшафт.

Поступила: 22.08.2019

Принята к печати: 08.09.2019

Lavrenova O.A.

Being BETWEEN.

Semantics of roads in the cultural landscape

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of
the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, olgalavr@mail.ru*

Abstract. The semantics of the words «road» and «path» are highly variable and largely universal across most cultures. Based on the semiotic concept of the cultural landscape, we try to understand interaction between these meanings and the real geo-cultural space, in which, on the one hand, natural components affect the semiosis, and on the other, the already established codes of culture determine the meanings and perception of roads.

Keywords: semantics; roads; cultural landscape.

Received: 22.08.2019

Accepted: 08.09.2019

В мировой культуре концепт дороги полисемантичен и является одним из основополагающих. С одной стороны, это неотъемлемый элемент ландшафта, с другой – целый комплекс значений, складывающихся в так называемый «природно-ландшафтный код» языка и культуры, который «представляет собой совокупность имен и / или их сочетаний, обозначающих природные объекты или их части – элементы ландшафта, в том числе – освоенные человеком в их отдельном бытии или диспозиции – взаиморасположении» [Гудков, Ковшова, 2007, с. 97]. Эти смыслы уже давно исследуются как самодостаточные, но вариации их соотношения с культуро-географической реальностью представляются намного более интересной темой для размышления.

В утилитарном смысле дорога – всего лишь оптимизация регулярных маршрутов на пересеченной местности, и она не есть изобретение человека, примером тому служат натоптанные звериные тропы, которые существенно облегчают путь к жизненно важным местам – водопою, местам кормежки, солонцам. Но человеку свойственно все превращать в знаки, называть, переосмысливать и снова обозначать. В результате формируется культурный ландшафт как семиотическая система и выразитель культурных символов и кодов. Каждый элемент ландшафта становится знаком, имеющим много уровней.

Дорога – один из примеров того, как этимология слова может быть обусловлена ландшафтом. В русском языке «дорога» этимологически связывается с корнем **dorgh-*, обозначающим продранное в лесу пространство от глагола *дергать* [Фасмер, 1986–1987]. С точки зрения палеогеографии это имеет географическое объяснение, поскольку земля древних славян находилась в зоне смешанных лесов, и даже Киевская Русь была намного более залесена, чем современная степная Украина. Понятно, что такая этимология невозможна в степном, пустынном, горном ландшафте. Более универсально слово «путь», которое в русском языке восходит к корню **pont-* – преодоление [Фасмер, 1986–1987]. Даже движение по ровной поверхности все равно будет преодолением

расстояния. Горы, реки, леса, «лихие люди» и другие препятствия усиливают это значение.

Имеющие одно и то же выражение в ландшафте «путь» и «дорога» в культуре семантически разведены. «Путь» обычно связан с сакральным пространством, «дорога» – с профанным. Также существует мнение – что «...в славянской культурной традиции символика пути связана с христианско-религиозным взглядом на мир, символика дороги – с языческим мировоззрением и мироощущением» [Черепанова, 2000].

Морфология культурного ландшафта

Дорога в ландшафте опять же в утилитарном значении важна как связь, коммуникация, между населенными пунктами и странами. Поэтому в морфологии культурного ландшафта она, с одной стороны, метафорически может рассматриваться как нервные волокна в живом организме, проводящие импульс энергии и информации, с другой – как артерии, переносящие материю. Последнее слово традиционно используется в основном для речных путей, которые тоже могут рассматриваться как дорога.

Также дорога может рассматриваться как своеобразный «скелет геокультурного пространства», «на который наслаиваются экономический, внутривластный, социальный и духовный ландшафты. От силы этого скелета, его гибкости, способности улавливать все значимые перемены в каждом из таких ландшафтов зависит и их связанность друг с другом, что является обязательным условием осознания людьми, населяющими данное пространство, собственной коллективной идентичности. Важность такого процесса очевидна, когда речь идет о пространстве страны» [Терновая, 2013, с. 97]. В этой метафоре важна статичность, закреплённость дорог в пространстве, однозначность основных транспортных потоков.

Еще одна метафора – это линии проницаемости культурного ландшафта. Они идут перпендикулярно «силовым линиям» городов – от одного значимого места к другому, пронизывая «пустые» пространства без остановок. Дорога – всегда МЕЖДУ. Символически это пустое пространство, которое необходимо преодолеть, чтобы достигнуть следующего обжитого места.

Дорога в русской культуре, по выражению Т.Б. Щепаньской, «семиотически невидима» – «не обозначена, т.е. не включена в знаковую модель мира», она играет «роль “другого” по отношению к дому, как пространственному и семантическому ядру “своего”» [Щепанская, 2003, с. 33].

Мифологема «плохих дорог» усиливает эту оппозицию и становится одним из «этноопределителей» русского народа [Щепанская, 2003, с. 35], выталкивая его в зону оседлости.

«Плохим дорогам», бездорожью также противопоставляется «хорошая, правильная дорога». Она же, как обустроенный, правильный путь, находится в оппозиции не к бездорожью (плохим дорогам), а абсолютной целине, неосвоенному пространству. Это закреплено в традиционной языковой картине мира. «Возможны и обратные отношения, когда дорога выступает как зона стабильности и порядка: дорога “закон, правило, обычай” [Этимологический... 1978, с. 75] в тексте приговора при переходе в новый дом: “Свой домовой, пойдём со мной, я дорогой, ты стороной (арх.)”; в пословицах: “Ехал дорогой, да верть целиком”, “Дорогой 5, а прямо 10”; путем “хорошо, правильно”, сбиться с пути “начать вести безнравственную жизнь”...» [Черепанова, 2000].

В тюркских языках слово «дорога» «являлось другим названием таких понятий, как закон, обычай и нрав. И все были должны идти по этой дороге» [Beydilli, 2005; цит. по: Гудков, Сарач, 2015].

Противопоставление дороги и целины означает также предерженность пути – если ты выбрал дорогу, тебе уже приходится двигаться в этом направлении. В ландшафте закреплении этого смысла служат древние дороги, на которых выбитые колеи не дают возможности физически изменить направление движения. Сейчас свернуть с пути означает оказаться вне сети значимых мест.

На прокладывание повседневных дорог в микроландшафте населенных пунктов и окрестностей влияют особенности ментальности культуры, например в России тропинки спрямляют пешеходные пути, пусть не намного, но сокращая время передвижения. В Японии напрямки передвигаются только злые духи, поэтому тропинки не должны повторять их пути.

Материализация времени

Дорога в культурном ландшафте выступает как «пространственная материализация времени» [Черепанова, 2000]. Участок пути – интервал – рассматривается как своеобразная комбинация времени и пространства.

Это статичный элемент ландшафта, семантически и физически связанный с принципом движения, с особой категорией людей, с особым стилем жизни «всегда в дороге». «Испокон веков в жизни русских присутствовали странники, “калики перехожие”, странствующие богомольцы, “нищоброды”, коробейники, отходники-промысловики, охотники, беглые крестьяне и каторжники, ушкунники и разбойники, ямщики, уходившие в дальние извозы, переселенцы, отправлявшиеся искать, кому и где “на Руси жить хорошо”, – весь тот российский люд, жизнь которого была связана с постоянными странствиями, передвижениями по путям-дорогам огромной страны» [Черепанова, 2000]. Многие из этих социокультурных типов присущи и другим культурам – везде и всегда есть постоянные насельники дороги, для которых остановка и оседлость равносильна смерти.

Дорожный этикет включает в себя множество благопожеланий, охраняющих в пути [Зорина, 2013]. Николай Рерих на караванных тропах Центрально-Азиатской экспедиции записывал в путевой дневник: «Встречные караваны приветствуют друг друга. Всегда спросят: “Откуда?”. Никогда не спросят: “Кто вы?”. Личность уже тонет в движении» [Рерих, 1992, с. 94].

Существенно различаются медленное, неспешное передвижение как проявление любви, и скоростное – как метафора поглощения пространства.

А. де Сент-Экзюпери писал о проселочных дорогах: «Дорога могла бы пройти напрямик по полю, но нет, бережно обогнула его, и я потерял несколько минут на объезд, повинаясь прямоугольнику ячменя. Я мог проехать прямо, но признал значимость поля и обогнул его. Прямоугольник ячменя потеснил мою жизнь, отнял малую толику времени, что могло бы послужить чему-то иному. Я подчинился ячменному полю, согласившись объехать его, мог пустить лошадь напрямик, но отнесся к нему почтительно, будто к святыне. Долго я ехал и вдоль стены, огородившей чьи-то владения, прихоти стены стали моей дорогой. Дорога моя чтит

чужие владения и плавно волнилась по выступам и нишам стены. За стеной я видел макушки деревьев, они росли гуще, чем в наших оазисах, видел пруды с пресной водой, они поблескивали между ветвями. Слышал тишину. Вот ворота, затененные листвой. Здесь моя дорога раздвоилась, одна ее ветка потянулась служить огороженному стеной владению, другая повела меня вдаль. Странствовал я неспешно, лошадь то спотыкалась о рытвину, то тянула шею к траве, пробившейся возле стены, и у меня появилось ощущение, что дорога моя, с ее уклонами и поклонами, с ее неторопливостью и задаром растраченным временем, была своеобразным обрядом, была залом, где ждут появления короля, была очерком лица владычины и каждый, кто следовал ей, в тряской ли тележке, на ленивом ли ослике, сам того не ведая, упражнялся в любви» [Сент-Экзюпери, 1994, с. 347].

Высокоскоростные поезда и трассы хайвея полностью исключают сознание путешествующего из окружающего ландшафта, их задача сократить время, затраченное на пересечение пространства.

Виды дорог

Собственно дороги могут быть разные, и это находит отражение в культуре и языке. Референции для лексемы слова «дорога» в русском языке вполне соответствуют классификации дорог, в которой могут быть важными:

- место расположения (центральная, задняя, объездная);
- материал изготовления (грунтовая, балочная, ледяная);
- параметры (большая, маленькая, проселочная);
- пункт отправления и назначения;
- движущийся объект (гузевая, коровья, санная);
- время использования (зимняя, летняя);
- цель использования (почтовая, военная);
- способ изготовления [Колесникова, 2014].

Летняя и зимняя дорога – особенности ландшафтов высоких широт. Зимник – дорога, передвижение по которой возможно только при минусовой температуре. Для устройства зимника уплотняют и разгребают снег, на реках намораживают ледовые переправы.

Дорога может быть «дальней», может быть настолько незначительной, что теряет свою семантику пути. Привычная ежедневная дорога может быть очень короткой – от дома до поля, от дома до церкви, от дома до дома. В горных селах повседневные практики включают в себя перемещение на расстояния до 30 километров, которые не воспринимаются как уход от дома в «иное» пространство. «Маятниковые» миграции – ежедневный путь современного человека может быть неблизким и вариативным, но в среднем его длительность составляет около часа и тоже не воспринимается как уход из привычного пространства, хотя и подразумевает такой неизменный побочный эффект, как «транспортная усталость».

Дороги могут быть и не закреплены в пространстве, как, например, караванные пути или пути кочевников. Они задаются не линией, а направлением, назначением. «Ты поймешь суть каравана, увидев его в пути, – говорит А. де Сент-Экзюпери устами своего героя. – Забудь тщету слов и смотри: на пути каравана пропасть, он обходит ее, скала – он огибает ее. Если песок слишком мелок, находит песок плотнее, но всегда караван идет туда, куда идет. Верблюды завязли в солончаке, погонщики суетятся, вывозят их, отыскивают почву понадежней, и снова караван идет туда, куда шел. Пал верблюд, караван остановился, погонщик связал узлом лопнувшую веревку, перевязал кладь, нагрузил другого верблюда, и опять караван идет, не изменяя своему пути. Случается, умирает вожатый. Погонщики собираются вокруг него. Выкапывают в песке могилу. Спорят. И выбрав на его место другого, вновь следуют за своей звездой. Своему пути подчиняется караван, направление – вот для него опорный камень на невидимом склоне» [Сент-Экзюпери, 1994, с. 12].

Особенностью каравана была неиндивидуальность движения, поскольку опасность пути заставляла держаться вместе. «Под караваном (фр. *caravane*, от перс. *кар(е)ван*, вероятно от курд. *kar*, миссия + *van*, люди, или санскр. *karabhah* – молодой верблюд или слон) понималась группа людей, путешествующих вместе с торговыми, паломническими или иными целями, которым необходимо было держаться вместе...» [Терновая, 2013, с. 98].

Рисунок караванных путей невидим, но закреплен в культуре намного прочнее, чем если бы он был высечен в камне. Он был неизменен из века в век, пока современные виды транспорта не стали вытеснять караваны. Николай Рерих делился впечатлениями

от этой невидимой постоянности: «Развернулся полный узор песков. Это именно та необозримость, по которой двигались великие орды. Ведь и Чингис и Тамерлан проходили именно здесь. И так же как на волнах не остается следов от ладьи, так же на песках не осталось никакого намека на эти движения» [Рерих, 1992, с. 132].

Даже без прокладывания дорог передвижение народов в пространстве может менять ландшафт. Существует гипотеза, что путь татаро-монгольской орды на запад шел по замерзшим рекам, монголы несли с собой корм для лошадей – сено, собранное в степях. Их семена распространились по берегам, и степные растения укоренились на пойменных лугах.

Сакральное пространство

В разных культурах семантика дороги связана не только со «своим» и «чужим», с правильным и неправильным, с жизнью и смертью. «Дорога – это медиатор двух сфер, жизни и смерти, этого мира и “того”, своего и чужого» [Черепанова, 2000]. Зачастую в этой паре смерть преобладает, и в фольклоре дорога становится метафорой и символом смерти [Щепанская, 2003, с. 41]. Реальная дорога может быть также пространством инициатической смерти, когда трудности пути приводят к духовному преображению путешествующего. Соответственно, как и любое другое опасное пространство, она может служить цели перерождения и возвращения духа.

В связи с этим можем говорить, что архаический и / или христианский символ пути в той или иной степени присутствует в каждом культурном ландшафте. Любая тропинка или дорога при сностроенности сознания может являться носителем этого значения.

«Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин 14:6), – говорит Иисус Христос, тем самым возводя в абсолют сакральное значение пути как такового.

Христианизация превращает дорогу и перекрестки из мест отправления заговоров и обрядов в символы, соразмерные христианской системе ценностей. Полисемантическим символом мироздания здесь является крест – символ спасения, пересечения горного и дольного миров. Крест в ландшафте – это перекресток дорог, одно из сакральных мест традиционной культуры. Перекресток – горизонтальная проекция Креста, ориентированного верти-

кально – от Земли к Небу. В ландшафте перекресток – своеобразная точка бифуркации, точка выбора пути и дальнейшего течения событий, и это значение намного старше христианской семантики. От того, какую дорогу выберет на перекрестке путник, будет зависеть дальнейший его маршрут и даже судьба. Здесь можно вспомнить сюжеты древнерусских былин, где герой стоит на перекрестке у камня, на котором написаны разные варианты судьбы, в зависимости от того, какая дорога будет выбрана. «Крестцы или перекрестки <...>, исходища путей, представляют нам ближайшее сходство с течением жизни человеческой. Там из одного исходища, как средоточия своего, пути расходятся в разные стороны. Такие места у древних народов почитались угодными богам» [Снегирев, 1865, с. 176].

Возможна и обратная семантика, когда крест воспринимается как перекресток в самом глубоком экзистенциальном смысле: «Человек мифопоэтического сознания стоит перед крестом как перед перекрестком, развилкой пути, где налево – смерть, направо – жизнь, но он не знает, где право и где лево в той метрике мифологического пространства, которое задается образом креста» [Топоров, 1988, с. 12]. Из этого положения выход укажет только сердце, которое само по себе символически представляет перекрестье земной и небесной дорог.

Одна из картин Н.К. Рериха, написанная после Центрально-Азиатской экспедиции, называется «Ступа в Ше. Перекресток Христа и Будды». Здесь перекресток, увенчанный памятным знаком Вечности, воплощает совсем иную семантику – в одной географической точке, согласно легенде, в разное время сошлись пути двух великих духовных Учителей, принесших миру новое знание. Между их путями пролегло почти пять веков, но память места, наложение легенд и преданий, соединила два Имени, пространство в противовес времени выступило великим объединителем.

Особый случай сакрализации пути в реальном культурном пространстве – паломничество, связанное с упоминанием ряда мест в священных текстах или в священном предании. В результате происходило «сращение» священного текста с культурным ландшафтом. Такой сакральный ландшафт символизировал собой не космологические категории, но события священной истории. Ландшафт-текст вызывает естественное желание «прочитать» его. «Сакральное, т.е. освященное церковью как обладающее особой

святостью, пространство вызывало желание посетить его. Для благочестивого христианина паломничество представляло единственную и ни с чем не сравнимую возможность соприкоснуться со святынями. В отличие от мусульманства, христианство не обязывало каждого верующего совершить паломничество, однако многообразными способами подталкивало его к этому. <...> Наряду с максимально сакрализованным центром, Иерусалимом, существовало множество местных, локальных. Некоторые из них также пользовались широкой известностью в христианском мире» [Мельникова, 1998, с. 111]. Паломники прочитывали через географию Святой земли священную историю. Примером такого «прочтения» может служить «Описание Святой Земли» Иоанна Вюрцбургского [Wirzburgensis I.]. «География Святой Земли у Иоанна – это, собственно, новозаветная история, припоминаемая паломником по мере его перемещения в пространстве» [Мельникова, 1998, с. 112]. Места, связанные с жизнью и смертью Иисуса Христа, пророков и святых, при правильном их «прочтении» становятся ландшафтами-мистериями, в результате путешествия по которым паломники символически повторяли крестный путь Спасителя или мученический и полный откровений путь святого.

Путь святого Иакова – «Камино де Сантьяго» – путь паломничества, связанный с именем одного из апостолов Христа, и национальная идея современной Испании. Место захоронения апостола в Сантьяго-де-Компостела со времен Средневековья притягивает паломников со всего мира. Одна из идей паломничества – потерять себя в пути, чтобы обрести Царство Божие в душе. Во время паломничества Бог говорит с пилигримом языком символов через элементы ландшафта – камень, куст, придорожный храм могут стать Божественной вестью и дверью в духовное откровение.

Семантика паломничества в какой-то мере присутствует и в профанных текстах, связанных с дорогами, в травелогах и в обычных романах-путешествиях. Дж. Керуак в своем культовом романе «В дороге», герои которого весьма далеки от благочестия, резюмирует: «По-настоящему, это история двух дружанов-католиков, колесящих по стране в поисках Бога. И мы его сумели-таки найти. Я нашел его в небе, на Маркет-стрит, в Сан-Франциско, а у Дина Бог всю дорогу струился потом по лбу. Для праведника другого пути не бывает: во имя Бога ему следует исходить потом. И как только Его удастся найти, он навсегда водворяется в своей Боже-

ственности, и честное слово – больше об этом говорить не следует» [Керуак].

Исторические пути

Дорога может означать движение через века и культуры, соединяя пространство и время. Особенно это касается исторических торговых путей, по которым издревле шли коммуникации народов, не только торговые, но и информационные, поскольку вместе с товарами приходили рассказы о дальних странах, сведения об их природе, жизни людей, обычаях. «...Дорога выступала пространством сотрудничества чаще, чем территорией соперничества. <...> Нам хорошо известно, как пролегали Дорога пряностей, Великий шелковый путь, царский путь между Египтом и Персией, ладанный путь между Аравийским полуостровом и странами Средиземноморья, оловянный путь между полуостровом Корнуолл и Средиземноморьем, янтарный путь от Балтики до Средиземного моря, лазуритовый путь из Западного Памира в Иран, Месопотамию, Египет, Сирию и Восточное Средиземноморье, нефритовый путь из Китая в Европу» [Терновая, 2013, с. 98].

В России внутригосударственный путь на Восток был не только торговым путем. Большой Сибирский тракт не зря называли великим кандальным путем – по нему не меньше двух столетий двигались колонны арестантов. Это уникальный случай, когда дорога стала не только элементом культурного ландшафта, но и сама превратилась в культурный ландшафт, поскольку организовывала и подчиняла себе окружающее пространство. «Большой Сибирский тракт несколько веков соединял Европу и Азию, являясь самым протяженным в мире культурным ландшафтом. Он изменил жизнь городов, через которые проходил» [Федорова].

Еще один путь на Восток – Китайско-Восточная железная дорога способствовала тому, что вдоль пути ее следования в Китае был организован и существовал несколько десятилетий сугубо русский культурный ландшафт.

Через века может сохраниться событийное историческое значение дороги, уже не актуальной, как, например, «дорога жизни» (Военно-автомобильная дорога № 101) через Ладожское озеро во время блокады Ленинграда с 1941 по март 1943 г., которая стала

символом мужества и надежды, не потерявшим своей яркости и значимости для национального самосознания и по сей день.

Дорога может быть национальным символом и объектом музеефикации, как, например, трасса 66, протянувшаяся через США с Востока на Запад, ставшая дорогой надежды в эпоху Великой депрессии. «Когда дорога технически устарела и в 1985 году ее исключили из списка действующих дорог США, по всей трассе сняли придорожные щиты, на въездах поставили шлагбаумы, то возникла общественная ассоциация, которая заставила власти штатов, по которым проходит трасса, признать эту дорогу исторически значимой. Трасса 66 продолжает жить, а местные власти следят за тем, чтобы и сама дорога, и все постройки сохранялись в первоизданном виде. Она оказалась столь же значимым национальным символом Соединенных Штатов, что и Гранд-Каньон или Йеллоустонский национальный парк, имеющие статус “исторического маршрута”» [Терновая, 2013, с. 98].

* * *

Современное информационное пространство делает мир все более пронизываемым и назначение информационной коммуникации переходит от дорог к Интернету. Тем не менее дорога продолжает сохранять за собой значение способа «прочтения» культурного ландшафта. С одной стороны, считывается общеландшафтный контекст, меняющийся по мере продвижения в направлениях на север или на юг, из одной природной зоны в другую. С другой стороны, информация, заключенная в памятниках, политических лозунгах и рекламных щитах, расположенных вдоль дороги. Для дороги в ландшафте по-прежнему важны линии визуальной доступности вдоль дороги, видовые точки, позволяющие окинуть взором все близлежащее пространство. Если обычный книжный текст имеет линейную экспозицию, то текст ландшафта, его семиотическая система нелинейны и направление чтения информации зависит от направления движения.

Реальная вариативность пути в культурном ландшафте в символической трактовке превращается в бинарную оппозицию базовых кодов культуры. Отправляясь в дорогу, мы в той или иной степени неизменно вступаем на путь, который может оказаться

фатальным или счастливым в нашей судьбе, может привести к Богу или в кабак, может превратить человека в вечного странника или вытолкнуть на обочину, в абсолютно оседлую жизнь.

Список литературы

- Гудков Д.Б., Ковишова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарию. – М.: Гносис, 2007. – 288 с.
- Гудков Д.Б., Сарач Х. «Дорога» («yol») в природно-ландшафтном коде культуры русского и турецкого языков // Мир русского слова. – 2015. – № 1. – С. 45–51. – Режим доступа: <http://mirs.ropryal.ru/mirs-2015-1>
- Зорина Л.Ю. Путь да дороженька // Русская речь. – М., 2013. – № 5. – С. 102–110.
- Колесникова Е.В. Заметки о семантике лексем путь и дорога в архангельских говорах // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. – М., 2014. – Т. 3. – С. 204–215.
- Керуак Дж. В дороге. Цитаты из книги. – Режим доступа: <https://www.livelib.ru/book/1000231068/quotes-v-doroge-dzhek-keruak>
- Мельникова Е.А. Образ мира. Географические представления в Западной и Северной Европе V–XIV веков. – М.: Янус-К, 1998. – 255 с.
- Рерих Н.К. Алтай – Гималаи. – Рига: Виеда, 1992. – 336 с.
- Сент-Экзюпери А. Сочинения: в 2 т. – М.: Согласие, 1994. – Т. 2: Цитадель. – 558 с.
- Снегирев И. Москва: Подробное историческое и археологическое описание города: в 2 т. – М.: Изд-во А. Мартынова, 1865. – Т. 1. – 208 с.; Т. 2. – 221 с.
- Терновая Л.О. Семантика дороги от караванного пути до хайвея // Вестник БИСТ. – Уфа, 2013. – № 1 (17), март. – С. 95–104.
- Топоров В.Н. Крест // Мифы народов мира: энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – Т. 2. – С. 12–14.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Прогресс, 1986–1987.
- Федорова Н. Великий кандальный путь // Русская планета. – Режим доступа: <https://rusplt.ru/society/velikiy-kandalnyi-put-17762.html>
- Черепанова О.А. Путь и дорога в русской ментальности и в древних текстах // Рябининские чтения – 1999: Музей-заповедник «Кижи». – Петрозаводск, 2000. – Режим доступа: <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-1999/213.html>
- Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. – М.: Индрик, 2003. – 528 с.
- Этимологический словарь славянских языков / ред. Трубачев О.Н. – М.: Наука, 1978. – 232 с.
- Beydilli C. Türk Mitolojisi Ansiklopedik Sözlük. – Ankara, 2005. – Syf. 619.
- Ioannes Wirzburgensis. Descriptio terrae sanctae // PL. – 1854. – T. 155. – Col. 1053–1090. – Перев. на англ. яз.: Description of the Holy Land by John of Würzburg (A.D. 1160–1170) A. Steward. – London, 1890.

References

- Gudkov, D.B. & Kovshova, M.L. (2007). *Telesnyj kod russkoj kul'tury: materialy k slovaryu*. M.: Gnosis.
- Gudkov, D.B. & Sarach H. (2015). «Doroga» («yol») v prirodno-landshaftnom kode kul'tury russkogo i tureckogo yazykov. *Mir russkogo slova*. Retrieved from <http://mirs.ropryal.ru/mirs-2015-1>
- Zorina, L. Yu. (2013). Put' da dorozhen'ka. *Russkaya rech'*, (5), 102–110.
- Kolesnikova, E.V. (2014). Zametki o semantike leksem put' i doroga v arhangel'skih govorah. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*, 3, 204–215.
- Keruak, Dzh. *V doroge. Citaty iz knigi*. Retrieved from <https://www.livelib.ru/book/1000231068/quotes-v-doroge-dzhek-keruak>
- Mel'nikova, E.A. (1998). *Obraz mira. Geograficheskie predstavleniya v Zapadnoj i Severnoj Evrope V–XIV veka*. M.: Yanus-K.
- Rerih, N.K. (1992). *Altaj–Gimalai*. Riga: Vieda.
- Sent-Ekzyuperi, A. (1994). *Sochineniya: In 2 vols. (Vol. 2. Citadel')*. M.: Soglasie.
- Snegirev, I. (1865). *Moskva: Podrobnoe istoricheskoe i arheologicheskoe opisanie goroda: In 2 vols. (Vols. 1–2)*. M.: Izd-vo A. Martynova.
- Ternovaya, L.O. (2013). Semantika dorogi ot karavannogo puti do hajveya. *Vestnik BIST*, (1) March, 95–104.
- Toporov, V.N. (1988). Krest. *Mify narodov mira*. In *Enciklopediya*. (Vol. 2, pp. 12–14). M.: Sovetskaya enciklopediya.
- Fasmer, M. (1986–1987). *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: In 4 vols*. M.: Progress.
- Fedorova, N. Velikij kandal'nyj put'. *Russkaya planeta*. Retrieved from <https://rusplt.ru/society/velikij-kandalnyiy-put-17762.html>
- Cherepanova, O.A. (2000). Put' i doroga v russkoj mental'nosti i v drevnih tekstah. *Ryabininskie chteniya – 1999. Muzej-zapovednik «Kizhi»*. Petrozavodsk. Retrieved from <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-1999/213.html>
- Shchepanskaya, T.B. (2003). *Kul'tura dorogi v russkoj miforitual'noj tradicii XIX–XX vv*. M.: Indrik.
- Trubachev, O.N. (Eds.). (1978). *Etimologicheskij slovar' slavyanskih yazykov*. M.: Nauka.
- Beydilli, C. (2005). *Türk Mitolojisi Ansiklopedik Sözlük*. Ankara.
- Ioannes Wirzburgensis. (1890). *Descriptio terrae sanctae*. PL. 1854. Vol. 155. Col. 1053–1090. Transl. to engl.: *Description of the Holy Land by John of Würzburg* (A.D. 1160–1170) A. Steward. London.